

А. Д. Мурзина, Т. Ф. Семьян
A. Murzina, T. Semyan
г. Челябинск, ЮУрГУ
Chelyabinsk, SUSU

**ТОПОС СИБИРИ В СБОРНИКЕ «СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ И
ОЧЕРКИ» В. Г. КОРОЛЕНКО**
**TOPOS OF SIBERIA IN THE COLLECTION “SIBERIAN STORIES AND
ESSAYS” BY V. G. KOROLENKO**

Аннотация: В статье рассматривается специфика функционирования топоса Сибири в сборнике «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко. Дается обзор подходов к исследованию художественного пространства и времени. На материале произведений «Соколинец», «Федор Бесприютный», «Сон Макара» анализируется мотивно-образный комплекс, составляющий пространственный образ Сибири.

Ключевые слова: В. Г. Короленко; художественное пространство; топос; мотив.

Abstract: The article examines the specifics of the functioning of the topos of Siberia in the collection «Siberian Stories and Essays» by V. G. Korolenko. An overview of approaches to the study of artistic space and time is given. Based on the works «Sokolinets», «Fedor The Homeless», «Makar's Dream», the author analyzes the motif-figurative complex that makes up the spatial image of Siberia.

Keywords: V. G. Korolenko; artistic space; topos; motif.

Как показывает исследовательская практика, в картине художественного мира, созданной русской литературой, явно ощущается доминанта образов пространства, которые, конечно, одновременно воплощают и разные стороны идеи времени [1]. В данной работе пространство анализируется как самостоятельная категория, поскольку именно пространство, а не время является идееобразующим для неавторского сборника «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко.

Объектом представленного исследования является топос Сибири в сборнике. Цель исследования – выявление специфики функционирования топоса Сибири в сборнике на примере произведений «Соколинец», «Федор Бесприютный», «Сон Макара».

В современном литературоведении топос понимается как устойчивый образ, отражающий культурно-символические смыслы, связанные с конкретным пространством. В отличие от локуса – конкретного, ограниченного участка художественного пространства, топос обладает обобщённым характером, аккумулируя исторические, социальные и мифологические коннотации. Если локус функционирует как маркер сюжета (например, тюрьма, река, дом), то топос

становится «местом развёртывания смыслов», универсальным концептом, транслирующим идеи эпохи (например, «топос дороги», «топос города»).

Описания Сибири в сборнике лаконичны: при помощи небольших по объёму предложений автор даёт емкие, но яркие и экспрессивные картины тайги. Например, в рассказе «Соколинец», посвященном побегу бродяги Василия с каторги, пространство Сибири предстает неприветливым, мрачным, пронизанным холодом. В целом, холод, мрак, безмолвие – три ключевые и самые частые характеристики, составляющих описание Сибири: *«страшный мороз», «суровые условия», «молчаливая, объятая холодом картина», «тяжелое впечатление молчания и мрака», «холод и мрак», «безмолвие мрака», «Кругом – ни звука... Холодно и жутко... Ночь притаилась, охваченная ужасом – чутким и напряженным».*

В сборнике «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко топос Сибири формируется через систему взаимосвязанных образов мотивов, которые аккумулируют исторический, социальный и экзистенциальный опыт региона. Если локус (например, тюрьма, дом) выступает конкретным местом действия, то топос обобщает эти локусы, превращая их в символы, отражающие универсальные конфликты человеческого существования.

1. Мотив «далеко», «далече».

В сборнике Сибирь описывается как место удаленное, дистанцированное от героев, несмотря на их непосредственное пребывание там. Например, в рассказе «Соколинец», посвященном побегу бродяги Василия из арестантской артели, неоднократно подчеркивается «отчужденность» Сибири: *«...тайга-то глухая [...] на всем белом свете нет тебе родного угла, ни приюту...», «Вместо горенки родительской – глухая тропа таежная».* Мотив удаленности от дома является ключевым для всего сборника, поскольку Сибирь в первую очередь осмысливается героями как место каторги, далекой ссылки. Так, герои воспринимают пространство как чуждое, чужое, в котором они не чувствуют себя полноправно: *«В глубине души он [Василий] сознавал, – хотя и подавлял пока это сознание, – что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой и неприветной, не про него».* Такое пространство может быть охарактеризовано как антидом.

2. Мотив тюрьмы и несвободы.

Для героев сборника Сибирь не просто не ассоциируется с домом, для них она становится неким эквивалентом тюремной камеры, замыкающей в себе человека. Локусы тюрем и этапов в сборнике трансформируются в топос Сибири как пространства репрессий. Так, например, в рассказе «Федор Бесприютный» замкнутым пространством предстает не только камера, но и этап, который описывается как место ограниченное, огороженное острым высоким частоколом, словно стеной. Беспросветность, тьма создает у героев ощущение «коробки»: *«Этапный двор казался угрюм и неприветлив. Ровная с прибитой пылью площадка замыкалась забором. Столбы частокола, поднявшись рядами, встали угрюмой тенью между взглядом и просторною далью. Зубчатый гребень как-то сурово рисовался на темной синеве ночного неба. Двор казался какой-то коробкой...», «Сверху темнота налегла на эту коробку плотной непроницаемой».*

крышкой». Сравнение этапного двора с темной коробкой отражает не только и не столько пространственные характеристики места, сколько внутреннее восприятие героев, их психоэмоциональное состояние.

3. Мотив пути и изгнания.

Дорога становится ключевым мотивом, организующим пространство Сибири как земли ссылки и вынужденного странствия. Например, вся жизнь Федора Бесприютного из одноименного рассказа проходит в пути (оттуда и говорящая фамилия – Бесприютный, то есть не имеющий приюта, дома): *«Я сам родился где-то на глухом бездорожье и сам вынужден искать пути в глухой чаще...»*. Мотив дороги в русской литературе выступает оппозиционным дому, поэтому вечные скитания героя подчеркивают не только физическое перемещение, но и экзистенциальный разрыв – утрата связи с домом, родным пространством [5]. Сосланный отбывать наказание в Сибирь, Федор предпринимал попытку побега более десяти раз – настолько сильно было его рвение вернуться домой. Своим дерзновением бродяга заслужил уважение не только среди арестантов, но и среди надзирателей: имя героя *«гремит по всему тракту»*, *«об его ловкости и влиянии сложились целые легенды, что его имя от Урала и до Амура известно всем, чем знают имя полковника...»*. Так и не достигший пункта назначения, Федор спустя годы встречает упомянутого полковника, приветствует его как своего старого знакомого. На вопрос правоохранителя, удалось ли бродяге побывать на родине, герой отвечает: *«В своем месте не бывал ни разу»*. Так, Сибирь предстает для героя чужим пространством, антидомом, которому никогда не суждено стать «своим», что доказывают многочисленные неудачные попытки побега.

4. Мотив борьбы.

Примечательно, что пространство Сибири предстает чужим не только для арестантов, но и для коренных сибиряков. Например, в рассказе «Сон Макара» повествуется о крестьянине Макаре, который *«работал страшно, жил бедно, терпел голод и холод»*. В рассказе Сибирь предстает неприветливой, враждебной: *«Угрюмая чаща все еще стояла враждебной стеной»*, *«страшная стена»*, *«злая тайга»*, *«Плахы стоят рядами, точно ряды пушек с открытыми жерлами, в безмолвном ожидании»*. Однако эта враждебность имеет вовсе не односторонний, а двусторонний характер, при чем это своеобразное противоборство с тайгой началось еще с предков Макара, которые *«отвоевали у тайги кусок промерзшей землицы»*, *«воевали с тайгой, жгли ее огнем, рубили железом, сами они незаметно дичали»*. Колониальное дело предков продолжилось и в Макаре, который *«противостоял»* тайге многочисленными капканами, ловушками на диких зверей. Так, пространственный образ Сибири в рассказе актуализируется через мотив борьбы – двустороннего противостояния жителей-сибиряков и места, на котором эти люди живут с момента освоения ими Сибири. Макар, всю жизнь живущий в тайге, как и его предки, покорившие нетронутые земли, не воспринимает это место как «свое», родное.

5. Мотив жизни и смерти.

Категория антидома традиционно связана с мортальной символикой. Действительно, Макар воспринимает тайгу не только как место своего рождения,

но и как место смерти: *«Он здесь родился, здесь жил, здесь же предполагал умереть»*. Можно сказать, что в произведении актуализируется как мотив жизни, так и мотив смерти: Сибирь становится и отправной, и конечной точкой, поэтому жизнь Макара как бы закольцовывается локусом его пребывания, и герой воспринимает это как неизбежное.

В сборнике «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко доминирует социально-психологическая проблематика: конфликт человека с системой, его трагедия, а также этические дилеммы ссыльных. Сибирь здесь – пространство испытаний, экзистенциального выбора, где раскрывается сущность личности. Сибирь в сборнике «Сибирские рассказы и очерки» В. Г. Короленко метафорически осмысливается как тюрьма. Сибирь для них выступает местом ссылки, а потому в их самосознании эта «далекая страна» приравнивается к несвободе в целом.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Ю. М. Лотман ; предисл. С. М. Даниэля ; сост. Р. Г. Григорьева. – СПб. : Академический проект, 2002. – 543 с.
3. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // В школе поэтического слова. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. – М. : Просвещение, 1988. – 352 с.
4. Семьян, Т. Ф. Основы теории литературы : учебное пособие / Т. Ф. Семьян. – Челябинск : Цицеро, 2015. – 104 с.
5. Чудинова, В. И. Концепт «Дом» в художественном пространстве рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» / В. И. Чудинова // Филологический журнал СахГУ. – 2012. – № 19. – С. 46–50.